
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛЫ

ОБЗОР ЖУРНАЛА «PARLIAMENTARY AFFAIRS» за 2011 год

Parliamentary Affairs. – L.: Oxford univ. Press: Hansard Society for Parliamentary Government, 2011. – Vol. 64, N 1–4.

«Parliamentary Affairs» – ежеквартальный британский журнал издательства Hansard Society, деятельность которого начиналась с публикации бюллетеней парламентских слушаний. Особая задача журнала, как и сообщества Hansard Society в целом, – продвижение ценностей парламентаризма и демократии в мире. Редакцию журнала в данный момент возглавляют профессор университета Ноттингема Филип Коули и профессор университета Ливерпуля Джонатан Тонг. Вашему вниманию предлагается обзор номеров журнала «Parliamentary Affairs» за 2011 г.

В начале нового года подводятся итоги года прошедшего, поэтому несколько статей январского выпуска посвящены важнейшему политическому событию Британии – парламентским выборам. Принципиальным исходом голосования стала не только победа Консервативной партии, прервавшая 13-летнее доминирование лейбористов, но и формирование по результатам выборов коалиционного правительства – впервые с 1945 г.

Одним из первых решений нового правительства стало предложение электоральной реформы – перехода к преференциальной системе голосования. Статья Дэвида Сандерса, Гарольда Кларка, Марианны Стюарт и Пола Уайтли (*Sanders D., Clarke H.D., Stewart M.C. and Whiteley P. Simulating the Effects of the Alternative*

Vote in the 2010 UK General Election) объясняет особенности этого метода голосования и, используя предлагаемый авторами реформы способ подсчета голосов, моделирует возможный исход выборов 2010 г. на основании проведенного опроса. Группа авторов обращает внимание на очевидную политическую причину реформ: с ее помощью консерваторы надеялись упрочить свое положение и получить на следующих выборах большинство, позволяющее им самостоятельно сформировать правительство, а либерал-демократы – получить большее число мест и сделать партию в целом более влиятельной. Вынесенная на референдум 5 мая 2011 г. идея реформы не была поддержана (32,1% в поддержку реформы и 67,9% – против).

Модель Сандерса и др. дала любопытные результаты: в их симуляции голосования от проведения реформы выигрывают только либерал-демократы. При использовании предложенной ими системы консерваторы не только не получили бы самостоятельного большинства, но, напротив, потеряли бы часть голосов. В сложившейся ситуации ни одна из партий не получила бы права сформировать правительство и решающую роль сыграл бы выбор либерал-демократов. В этом случае вполне вероятным стал бы исход, при котором либерал-демократы поддержали бы лейбористов и консерваторы вовсе не пришли бы к власти.

Эндрю Чадвик (*Chadwick A. Britain's First Live Televised Party Leaders' Debate: From the News Cycle to the Political Information Cycle*) рассматривает еще одну специфическую черту выборов 2010 г.: в ходе этой предвыборной кампании впервые проводились дебаты партийных лидеров. Традиционные для США и многих других государств, предвыборные дебаты стали в Британии поводом для нешуточного беспокойства. После первых же дебатов стали появляться самые мрачные предсказания о необратимых изменениях политического процесса, главную роль в котором отныне будут играть телевидение и умение произвести яркое впечатление на зрителей, а не четко сформулированная политическая программа. Проанализировав и сами дебаты, и комментарии в различных СМИ, Чадвик приходит к успокоительному выводу о том, что новые формы политической коммуникации не уничтожают, а дополняют ранее существовавшие, задавая тон дискуссиям в целом, обогащая предвыборные кампании новыми мнениями и возможностью моментально реагировать на все происходящее.

В следующей статье также изучается влияние электоральных реформ на голосование, но уже не в Британии, а во Франции. Кристиан Фовель-Эймар, Майкл Льюис-Бек и Ришар Надо (*Fauvelle-Aymar C., Lewis-Beck M.S., Nadeau R. French Electoral Reform and the Abstention Rate*) обращают внимание на то, что во Франции различные электоральные реформы проводились так часто, что не могли не повлиять на электоральное поведение граждан. Центром внимания авторов стала проблема абсентеизма, которая может поставить под сомнение легитимность результатов выборов. Разделив электоральные реформы на «структурные», т.е. ориентированные на долгосрочное улучшение избирательного законодательства, и «тактические», призванные обеспечить одной из элитных группировок преимущество на ближайших выборах, авторы проанализировали результаты голосования на разных уровнях с 1815 г. Их выводы идут вразрез с социологическими трактовками абсентеизма, объясняющими низкую явку неблагоприятной экономической и социальной обстановкой в стране. Согласно результатам исследования, даже значительные структурные перемены не оказывали на явку столь неблагоприятного влияния, как тактические ходы кандидатов из действующей власти, дискредитирующие основной принцип демократических выборов.

Тема, которую затрагивают Николас Аллен и Сара Берч (*Allen N., Birch S. Political Conduct and Misconduct: Probing Public Opinion*), в значительной степени актуальна и для реалий российской политики. На примере отношения к коррупционным скандалам 2009 г. авторы пытаются понять, существует ли некий единый образец оценки поведения политиков. Результаты эмпирического исследования подтверждают интуитивную логику: политик должен быть честным и порядочным, скандалы оцениваются негативно. Вместе с тем люди, активно интересующиеся политикой, более толерантны к небольшим скандалам.

Исследование Мэри Кроуфорд и Барбары Пини (*Crawford M., Pini B. The Australian Parliament: A Gendered Organisation*) предлагает новый подход к пониманию гендерного равенства. Объектом их изучения стал австралийский парламент, в котором относительный рост числа женщин-политиков не означает роста их политического влияния и значимости. Проведенное Кроуфорд и Пини исследование показывает, что в восприятии большей части общества и самих

политиков (причем как женщин, так и мужчин) политика остается «мужским» занятием и участие в ней женщин выглядит некоторого рода девиацией. Даже сам факт того, что многие исследования посвящены изучению поведения женщин-политиков, означает, что поведение мужчин и женщин априори неодинаково. Не воспринимая существующие тенденции как однозначно негативные, авторы все же советуют переходить к иным, более объективным и тонким, механизмам оценки гендерного равенства.

Вопросы «медиатизации» политики, появление новых информационных и коммуникационных технологий в последнее время занимают все больше места в политологическом дискурсе. Джон Робертсон и Элизбет Маклафлин (*Robertson J.W., McLaughlin E. The Quality of Discussion on the Economy in UK Political Blogs in 2008*) исследуют принципиально новый тип политической коммуникации – блоги. В противовес тем, кто сетует на упадок профессионализма и массовое нашествие дилетантов в сферу политических дискуссий, Робертсон и Маклафлин доказывают, что наибольшей популярностью в Интернете пользуются блоги экспертов, а не любителей. Изучив широкий круг блогов и интернет-изданий, авторы доказывают, что их освещение во Всемирной сети по качеству не уступает профессиональным печатным изданиям. При этом блоги профессиональных журналистов и публикации на официальных сайтах уважаемых газет и журналов пользуются большей популярностью, чем блоги непрофессионалов, что позволяет авторам заключить, что блоги едва ли угрожают традиционной журналистике, но расширяют коммуникативное поле для тех, кто интересуется политикой.

Исследование Дэвида Артера посвящено одному из принципиальных вопросов функционирования демократии – репрезентации. В своей статье (*Arter D. The Michael Marsh Question: How do Finns do Constituency Service?*) Артер исследует активность работы парламентариев в избирательных округах. Исследование особенно интересно потому, что применяет модель, чаще используемую для анализа функционирования одномандатных систем, для Финляндии – государства, где выборы проходят по партийным спискам. Артер приходит к парадоксальному выводу – основная деятельность происходит вне избирательных округов: кандидаты больше борются не с представителями других партий, а со своими одно-

партийцами за более высокое место в списке, поэтому борьба скорее разворачивается не в округах, а в парламенте.

Ганс Анье (*Agné H. Answering Questions in Parliament During Budget Debates: Deliberative Reciprocity and Globalisation in Western Europe*) затрагивает еще один внутрипарламентский вопрос: насколько в эпоху глобализации дебаты в парламенте позволяют сформировать делиберативное демократическое пространство. Существует точка зрения, согласно которой национальные парламенты под влиянием евроинтеграции перестают быть местом для дискуссий, потому что центр интересов депутатов перемещается за пределы страны. Исследование Анье показывает, что уровень «дискуссионности» в парламентах Великобритании, Швеции и Франции очень мало изменился за последние 40 лет. Европарламент так и не смог стать более значимой политической площадкой для европейских парламентариев – вывод весьма оптимистичный для тех, кто заботится о национальной политике, но явно неутешительный для сторонников концепции единого европейского пространства.

Заключительная статья январского номера посвящена вопросам внешней политики, а именно международным военным операциям, которые получили широкое распространение начиная с 90-х годов прошлого века. Дирк Петерс и Вольфганг Вагнер (*Peters D., Wagner W. Between Military Efficiency and Democratic Legitimacy: Mapping Parliamentary War Powers in Contemporary Democracies, 1989–2004*) рассматривают вопрос о соотношении эффективности и легитимности такого рода операций через призму механизма парламентского одобрения военных действий. Одобрение парламента может добавить военным операциям легитимности, но сам процесс одобрения может существенно затянуть их осуществление. Не ограничиваясь анализом военных операций США, ООН и НАТО, Петерс и Вагнер на примере военных операций различных государств замечают, что рассуждения о растущей роли национальных парламентов в этом вопросе как минимум поспешны. Государства разрабатывают разнообразные модели легитимации военного вмешательства, и далеко не всегда парламент играет в них ведущую роль. Интернационализация военных операций делает процесс утверждения еще более сложным и скорее повышает зна-

чимость международных организаций, чем национальных парламентов.

Апрельский выпуск журнала полностью посвящен отражению политики в художественных произведениях: от исторических драм Шекспира до современных комедийных сериалов. Несмотря на различные толкования значимости художественного изображения политики, большинство авторов – политологов, а не писателей – сходятся в том, что изучение политики в искусстве может дать результаты, полезные как для научного сообщества, так и для действующих политиков.

В полном соответствии с распространенным представлением об особой роли Шекспира в английской культуре выпуск открывается статьей Алана Финлейсона и Элизабет Фрейзер о концепции политического суверенитета в драмах Шекспира (*Finlayson A., Frazer E. Fictions of Sovereignty: Shakespeare, Theatre and the Representation of Rule*). Детально разбирая вторую часть трилогии «Генрих VI», посвященную восстанию Джона Кейда, Финлейсон и Фрейзер ищут ответ на вопрос, как в произведениях Шекспира трактуется право на власть – то, что в более позднее время нашло отражение в понятиях политического суверенитета и легитимности. Идея того, что властитель должен так или иначе представлять власть более высокого уровня (будь то Бог или народ), по мнению авторов, в значительной степени определяет врожденную и неотъемлемую театральность власти. Это ее свойство прекрасно понимал и отражал в своих пьесах Шекспир, но в наши дни оно незаслуженно считается пороком, с которым надо бороться.

Лора Бирс (*Beers L. Feminism and Sexuality in Ellen Wilkinson's Fiction*) рассматривает произведения, написанные действующими политиками. Объектом ее исследования стали два романа Эллен Уилкинсон – одной из первых женщин-парламентариев и министра в кабинете Клемента Эттли. Героини романов Уилкинсон – женщины, выбравшие политическую карьеру. Одно из принципиальных наблюдений Уилкинсон состоит в том, что неодинаковое отношение к мужчинам и женщинам во многих профессиях – скорее следствие «встроенных» культурных стереотипов, которые сложно преодолеть. Бирс отмечает, что, в отличие от художественной литературы, высказывать подобные суждения с трибуны было невозможно. Произведения действующих политиков показательны,

потому что позволяют увидеть их «неофициальную» точку зрения, в значительной степени определяющую их политическое поведение.

Распространенная критика по поводу отображения политики в искусстве – невозможность избежать субъективности оценок и додумывания ситуаций и поступков. Ник Рэндэл (*Randall N. Imagining the Polity: Cinema and Television Fictions as Vernacular Theories of British Politics*) возражает, что и в реальной политике всегда есть доля вымысла: ни эксперты, ни журналисты, ни тем более рядовые граждане не могут получить полный доступ к реальным политическим событиям, поэтому не только художественные, но и документальные описания содержат изрядную долю личных соображений автора. Вместе с тем художественные произведения могут влиять на восприятие политики, формируя стереотипы. Проанализировав множество английских и американских фильмов и сериалов о политике за последние 30 лет, Рэндэл оценил, как показаны в них политики, важнейшие политические институты (в первую очередь парламент и правительство), внешняя политика и политическая система в целом. По его мнению, кинематограф предлагает уникальную возможность изучить «бытовое» восприятие политики, оценить точку зрения «среднего» гражданина. Необходимость «бороться» за зрителя вынуждает сценаристов и режиссеров искать актуальные сюжеты и выстраивать их в соответствии с популярными представлениями о политике.

Схожей точки зрения придерживается и Мэтью Бейли (*Bailey M. The Uses and Abuses of British Political Fiction or How I Learned to Stop Worrying and Love Malcolm Tucker*). Бейли замечает, что исследование художественного отображения политики позволяет оценить тонкости и особенности политического процесса, которые чаще всего ускользают от более «серьезного» научного анализа. Чтобы подтвердить эту точку зрения, он сравнивает политику в британских и американских фильмах и заключает, что особенности отражения политических событий в кино опираются на более глубинные представления о политике в целом. Так, представление о том, что американские кинематографисты показывают политику менее критично, по мнению Бейли, напрямую вытекает из логики президентских и парламентских систем: парламентаризм предполагает более открытую критику систему, потому что резкое неодобрение президента может угрожать режиму в целом.

Преимущество искусства перед политологией и журналистикой в том, что оно может не только анализировать происходящее, но и создавать модели нетипичных ситуаций, в которых раскрываются общественные представления о политике. Аристотель Николаидис (*Nikolaidis A., The Unexpected Prime Minister: Politics, Class and Gender in Television Fiction*) изучает фильмы, герои которых пришли в политику «со стороны» и смогли добиться успеха. Несмотря на различия в характерах и причинах выбора политической карьеры, герои разных лет практически сразу после успеха сталкиваются с серьезными проблемами. Преодолеть кризис они не в состоянии, поэтому придя в политику «со щитом», вынуждены бесславно покинуть эту профессию. В образах этих героев воплотилось представление о политике как о замкнутом мире, в который нельзя попасть случайно и долго оставаться успешным.

Подробнее один из этих фильмов анализирует Валентина Кардо (*Cardo V. The Amazing Mrs Politician: Television Entertainment and Women in Politics*). В одном из популярных английских сериалов премьер-министром становится обычная домохозяйка. На первый взгляд такой сюжет кажется феминистским: женщина приходит в политику, потому что мужчины не могут обеспечить общее благо и справедливость. Более детальный анализ «политической позиции» и выступлений новоявленного премьер-министра показывает, что в сериале больше популизма, чем феминизма. Здесь, как и в других произведениях, политики показаны циничными и беспринципными, и героиня не столько отстаивает права женщин, сколько борется с несправедливостью.

Наряду с образом действующих политиков, президентов и премьер-министров в XX в. популярным героем политических историй стал журналист. В литературе и кинематографе журналисты часто используются в качестве медиатора, приближающего политику к рядовым гражданам. Сара Лонсдейл (*Lonsdale S. A Golden Interlude: Journalists in Early Twentieth Century British Literature*) рассматривает, как в течение столетия эволюционировал образ журналиста в художественной литературе: от пламенного борца против коррупции и за подлинную демократию до продажного писаки, готового на все ради власти и заработка.

Закрывает апрельский номер круглый стол, в ходе которого сценаристы популярных фильмов с политическими сюжетами рас-

сказывают, почему они выбрали темой своих работ именно политические события, обращают ли они внимание на идеологическую подоплеку событий, как оценивают степень возможного влияния своих сценариев на общественные представления о политике. Ответ на эти вопросы позволяет оценить, насколько справедливы и достоверны все представленные в журнале концепции политики в искусстве, и удачно завершает специальный выпуск.

Июльский номер журнала возвращает читателя к повседневному политическим проблемам. Пол Вебб и Сара Чайлдс (*Webb P., Childs S. Wets and Dries Resurgent? Intra-Party Alignments Among Contemporary Conservative Party Members*) исследуют расколы в партии власти. С их точки зрения, восприятие консерваторов как единой политической силы некорректно: в партии можно выделить минимум три группировки с противоположными взглядами на принципиальные вопросы повестки дня. Задача Дэвида Кэмерона по обновлению имиджа партии и привлечению новых избирателей усложняется необходимостью балансировать между различными внутрипартийными группами.

Одному из модернизационных концептов Кэмерона посвящена статья Чарльза Патти и Рона Джонстона (*Pattie C., Johnston R. How Big is the Big Society?*). Любимой темой выступлений Кэмерона была пропаганда идеи «большого общества» (*Big society*). Суть этого концепта в расширении сферы влияния гражданского общества, увеличении контроля за деятельностью политиков. Не отрицая достоинств идеи, Патти и Джонстон отмечают, что, во-первых, идея была выдвинута не в самое удачное время, когда Британия столкнулась с насущными экономическими и социальными проблемами. Во-вторых, проведенный анализ структур гражданского общества показал, что их современное состояние не соответствует уровню, необходимому для дальнейшего расширения сферы ответственности. Тот факт, что британское общество не готово к повышению степени гражданского контроля, по мнению авторов, не только обусловил низкую популярность этого концепта, но и лишил консерваторов уверенного большинства в парламенте.

Подробнее модернизацию Консервативной партии изучают Стив Уильямс и Питер Скотт (*Williams S., Scott P. The Nature of Conservative Party Modernisation under David Cameron: The Trajectory of Employment Relations Policy*). Исследуя тенденции модерни-

зации консерваторов после прихода к власти Кэмерона, Уильямс и Скотт замечают, что, несмотря на постоянный упор на необходимость обновления имиджа партии, на практике изменения носят преимущественно тактический характер и являются не следствием сознательного решения, а реакцией на внешние обстоятельства.

Среди предметов изучения политологов есть вопрос, насколько партии исполняют свои предвыборные обещания. Исследования показывают, что чаще политики исполняют взятые на себя обязательства, но избиратели недовольны тем, как это происходит. Объяснение этому феномену предлагает разработанный Томом Лоуверсом (*Louwerse T. The Spatial Approach to the Party Mandate*) «пространственный подход» (*spatial approach*) к пониманию партийного мандата. Лоуверс предполагает, что причина общественного недовольства не в том, что партии не выполняют обещаний, а в их поведении в целом. Так, в ходе предвыборной кампании партия определенным образом позиционирует себя. Лоуверс предполагает, что избиратели ждут от партии сохранения логики отношений с другими политическими силами. Эмпирическое исследование показывает, что ради выстраивания коалиций или достижения определенных политических целей партии могут изменять предвыборной логике взаимодействия – именно это и вызывает недовольство и недоверие населения.

Как правило, минимум одна статья в каждом номере посвящена вопросам представленности женщин в политике. Дженнифер Пископо (*Piscopo J.M. Rethinking Descriptive Representation: Rendering Women in Legislative Debates*) отмечает, что вопрос женской репрезентации часто понимается однобоко. Пископо утверждает, что его нужно исследовать не только количественно (установлены ли квоты, сколько женщин заседают в парламенте), но и качественно, обращая внимание на то, какие вопросы поднимают женщины-парламентарии в своих выступлениях, какие ценности они отстаивают.

Одной из самых тяжелых внутренних проблем Соединенного Королевства на протяжении многих лет является гражданская война в Северной Ирландии. Джон Кокли (*Coakley J. The Challenge of Consociation in Northern Ireland*) на примере Северной Ирландии рассматривает эффективность модели консоциональной демократии как способа прекращения гражданской войны. Попытки сни-

зитель накал конфликта за счет расширения представительства меньшинств предпринимались дважды: в 1973 г. все провалилось, а в 1998 г. было заключено «Соглашение Страстной пятницы», немного успокоившее ситуацию в регионе. По мнению Кокли, причиной успеха идеи консоциональности в 1998 г. стало принципиальное изменение внешних условий: более благоприятный международный климат, усталость сторон от длительного противостояния, относительная слабость североирландских политических партий, в том числе радикальных. Таким образом, эффективность идеи разрешения внутристрановых вооруженных конфликтов путем внедрения консоциональной демократии зависит от многих факторов.

За исследованием ситуации в Северной Ирландии следует статья, посвященная шотландскому парламенту. Мартин Баттл (*Battle M. Second-Class Representatives or Work Horses? Committee Assignments and Electoral In-centives in the Scottish Parliament*) отмечает, что Шотландия хороша для исследований как страна с долгой демократической традицией и относительно стабильной партийной системой. На примере 10 лет деятельности самостоятельного шотландского парламента автор изучает, есть ли различия между парламентариями, избранными по партийным спискам, и одномандатным округам, и замечает, что «списочники» чаще становятся членами парламентских комитетов. Это наблюдение подтверждает гипотезу о том, что различные электоральные системы вызывают различное поведение депутатов: «одномандатникам» нужно выстраивать отношения с избирателями, а «списочники» стараются завоевать расположение партийных лидеров.

Еще одно исследование, посвященное политике Шотландии: Эллиот Балмер (*Bulmer W.E. An Analysis of the Scottish National Party's Draft Constitution for Scotland*) анализирует разработанный Национальной партией Шотландии проект конституции Шотландии как независимого государства. Опираясь на опыт стран, которые автор считает похожими на Шотландию по социально-экономическим и политическим факторам (Ирландия, Дания, Швеция), Балмер предполагает, как будет на практике исполняться конституция, если она будет принята. Несмотря на явное желание максимально отдалиться от Вестминстерской системы (введение пропорциональной избирательной системы, ограничение срока

полномочий парламента), конституция неизбежно сохранит недостатки общебританской модели: неэффективную модель отчетности, нечеткое описание полномочий главы государства и парламентских процедур, недостаток контроля за деятельностью омбудсменов, недоработанную электоральную систему, тяготеющую к мажоритарности.

Еще одно исследование особенностей национального парламента провел Лайам Уикс (*Weeks L. Tolerable Chance or Undesirable Arbitrariness? Distributing Surplus Votes under PR-STV*). Ирландия – одно из немногих государств, где при голосовании избиратель должен не просто выбрать одного или нескольких кандидатов, но ранжировать свои предпочтения. В соответствии с принятой в Ирландии пропорциональной системой с единым переходящим голосом в первом раунде голосования побеждает кандидат, сумевший преодолеть заранее установленную квоту. Поскольку существует определенная квота, при распределении голосов может возникать «излишек». Уикс изучил результаты голосования с 1980 г. и смоделировал голосование по трехмандатному избирательному округу, используя различные подходы к перераспределению излишка. Результаты моделирования показывают, что в Ирландии перераспределение излишка не отражает реальных предпочтений и вносит в электоральную систему ненужный элемент случайности.

В последнее время появилась возможность голосовать досрочно – изначально предполагалось, что это сделает выборы более демократичными, включив тех, кто не смог бы прийти на выборы в день голосования. Дин Максуини (*McSweeney. Early Voting and Informed Voters in America*) ставит под сомнение демократичность такого голосования. Избирательные кампании заточены под день голосования, поэтому избиратели, делающие свой выбор раньше, не могут располагать всей полнотой информации. О благах досрочного голосования часто говорят, но автор решил сосредоточиться на скрытых опасностях, которые могут сказаться на результатах голосования.

Последний в 2011 г. номер «Parliamentary Affairs» открывается «программной» статьей о женской репрезентации. Ивонн Галлиган и Кэтлин Найт (*Galligan Y., Knight K. Attitudes Towards Women in Politics: Gender, Generation and Party Identification in Ireland*), продолжая идею Джейн Пископо, утверждают, что рассматривать ген-

дерное равенство чисто математически было бы упрощением. Галлиган и Найт изучили опросы общественного мнения в Ирландии и Северной Ирландии – странах, где представительство женщин в парламенте ниже, чем в Европе в среднем. Их исследование показало, что доля женщин в парламенте воспринимается обществом как один из критериев справедливости политики: так, в избирательных округах, от которых в парламент выбраны женщины, отношение к политике в целом более позитивно. Результаты этого исследования противоречат реальной практике: почему же тогда представительство женщин в политике в Ирландии относительно невелико? Для ответа на этот вопрос авторы изучают динамику феминистского движения и замечают, что в то время когда вопросы равного представительства вышли на первый план в политическом дискурсе, перед ирландскими политиками стояли более насущные проблемы, в первую очередь национальный вопрос. В результате вопросы гендерного равенства были решены только формально: крупнейшие партии просто привлекали в свои ряды наиболее активных феминисток.

Статья Мег Рассел (*Russell M. 'Never Allow a Crisis Go To Waste': The Wright Committee Reforms to Strengthen the House of Commons*) посвящена реформе Палаты общин. В 2010 г. в британском парламенте был проведен ряд реформ, направленных на снижение зависимости от правительства: был изменен принцип формирования парламентских комитетов и выборов их председателей. Рассел отмечает, что реформы по увеличению автономности парламента в Англии всегда проходили исключительно тяжело, и стали возможными потому, что им предшествовали громкие коррупционные скандалы. Правительство и партия власти были вынуждены идти на уступки, чтобы улучшить реноме власти. Тех, у кого этот вывод вызывает сомнения о возможности реформ вне кризиса, автор успокаивает: проведенные изменения действительно сделают Палату общин более автономной и могут облегчить проведение дальнейших изменений.

Дин Блекберн (*Blackburn D. Facing the Future? David Owen and Social Democracy in the 1980's and Beyond*) исследует динамику левоцентристских идей в последнее двадцатилетие XX в. на примере политической карьеры Дэвида Оуэна. В эти годы Оуэн был лидером Социал-демократической партии (СДП) и много сделал

для успеха партии и обновления ее идеологии. Исследователи биографии Оуэна склонны считать его исключительно практиком, все действия которого были вызваны тактической необходимостью. Блекберн возражает, что Оуэн много работал над идеологией партии, инициированное им обновление позволило СДП вписаться в политическое пространство XXI в. и – что особенно важно – привлечь новый электорат.

Один из признаков подлинной демократии – соблюдение прав меньшинств. Роберт Вандербек и Пол Джонсон (*Vanderbeck R.M., Johnson P. 'If a Charge was Brought Against a Saintly Religious Leader Whose Intention Was to Save Souls ...': An Analysis of UK Parliamentary Debates over Incitement to Hatred on the Grounds of Sexual Orientation*) рассматривают риторику, которая использовалась при принятии законопроекта о защите прав сексуальных меньшинств. Законопроект встретил сопротивление со стороны религиозно настроенных парламентариев. Любопытнее всего, что за основу законопроекта был взят как раз законопроект о защите прав религиозных групп – это притом что понятия по сути противоположны друг другу, и законодательная поддержка сексуальных меньшинств часто рассматривается как свидетельство окончательной секуляризации общества.

В каждом из номеров журнала речь так или иначе заходит о связи современной политики и СМИ. Марек Кубала (*Kubala M. Select Committees in the House of Commons and the Media*) проверяет, насколько справедливо замечание о том, что пресса обращает внимание на политику только в моменты скандалов и совершенно игнорирует рутинную деятельность парламента. Его исследование 1217 статей за период с 1987 по 2007 г. показало, что за это время интерес к деятельности парламента не снизился, а скорее изменил направленность: если до 1980-х годов в центре внимания были парламентские дебаты, то позднее их место заняла активность учрежденных в 1979 г. парламентских комитетов. Примечательно, что в прессе чаще освещаются те заседания комитетов, на которых присутствуют члены правительства, что лишний раз доказывает приоритет исполнительной власти.

Очередную точку зрения на проблему гендерного равенства предлагает Джоана Маккей (*McKay J. 'Having it All?' Women MPs and Motherhood in Germany and the UK*). По ее мнению, главная

трудность, с которой сталкиваются женщины-политики, заключается в том, что равенство понимается чисто математически. На основании качественного опроса женщин-парламентариев Германии и Великобритании Маккей делает вывод о том, что доминирование мужчин обусловлено не столько преимущественным представительством, сколько преобладанием мужских образцов поведения, не предполагающих активное участие в жизни семьи. Наибольшего успеха в политике, таким образом, добиваются женщины, готовые следовать «мужским» образцам поведения.

Последняя статья 2011 г. посвящена вопросам формирования правительства в Турции. Сабри Сайари и Хазрет Бильгин (*Sayari S., Bilgin H.D. Paths to Power: The Making of Cabinet Ministers in Turkey*) исследуют социальное происхождение министров в разные периоды (с 1923 по 2009 г.) и то, каким образом они заняли свои позиции, как на смену или сохранение правительств влияли изменения режима и демократический транзит. На первых порах в правительстве преобладали военные, позднее им на смену пришли юристы и университетские профессора – вне зависимости от их идеологических предпочтений – заметен тренд депрофессионализации правительства. В последнее время значительно выросло число министров, представляющих курдов и вообще Юго-Восточный регион страны. Примечательно, что выборы часто приводили к кардинальной смене правительств: по мнению авторов, практически полная смена кабинета при режимных изменениях в значительной степени обусловила то, что в Турции так и не произошли институционализация и закрепление демократических практик.

М.А. Петрухина